

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	13
1. СОСТОЯНИЕ УЧЕНИЯ О ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ ЕПИСКОПЕ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ	33
1.1. Заключение	95
2. УЧЕНИЕ О ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ ЕПИСКОПЕ В ДИСКУССИИ О РЕФОРМЕ ВЫСШЕГО ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917–1918 ГОДОВ	100
2.1. Работа Предсоборного Присутствия 1906 года	100
2.1.1. Заключение	108
2.2. Дискуссия о восстановлении патриаршества на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 годов	123
2.2.1. Заключение	146
2.3. Вопрос о митрополичьих округах на Поместном Соборе 1917–1918 годов	157
2.3.1. Заключение	170
3. УЧЕНИЕ О ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ ЕПИСКОПЕ В НЕКОТОРЫХ ДОКУМЕНТАХ СВЯТОГО ПАТРИАРХА ТИХОНА (БЕЛАВИНА; 1865–1925)	178
3.1. Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 года	178
3.1.1. Заключение	183
3.2. Переписка святого патриарха Тихона в связи с действиями Константинопольской Патриархии в 1920-х годах	187
3.2.1. Заключение	193

4. УЧЕНИЕ О ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ ЕПИСКОПЕ В ТРУДАХ ПРАВОСЛАВНЫХ БОГОСЛОВОВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА, НЕ ПРИНАДЛЕЖАВШИХ ЮРИДИКЦИИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА	195
4.1. Введение в подраздел	195
4.2. Учение о первенствующем епископе в трудах русских православных богословов «карловацкой» ориентации	200
4.2.1. Протопресвитер Михаил Польский (1891–1960)	200
4.2.1.1. Заключение	226
4.2.2. Архиепископ Нафанаил (Львов; 1906–1986)	233
4.2.2.1. Заключение	238
4.3. Учение о первенствующем епископе в трудах русских православных богословов «евлогианской» ориентации	239
4.3.1. Протоиерей Сергей Булгаков (1871–1944)	239
4.3.1.1. Заключение	249
4.3.2. Профессор А.В. Карташев (1875–1960).	251
4.3.2.1. Заключение	283
4.3.3. Протопресвитер Василий Зеньковский (1881–1962) .287	
4.3.3.1. Заключение	293
4.3.4. Протопресвитер Николай Афанасьев (1893–1966) . .294	
4.3.4.1. Заключение	322
4.3.5. Протопресвитер Александр Шмеман (1921–1983) . .339	
4.3.5.1. Заключение	382
4.3.6. Протопресвитер Иоанн Мейендорф (1926–1992). . .395	
4.3.6.1. Заключение	423
5. УЧЕНИЕ О ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ ЕПИСКОПЕ В ТРУДАХ КАНОНИСТОВ И БОГОСЛОВОВ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА	433
5.1. Введение в подраздел	433

5.2. Патриарх Сергей (Страгородский; 1867–1944)	446
5.2.1. Заключение	459
5.3. Совецание Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей (Москва, 1948 год)	460
5.3.1. Заключение	468
5.4. Профессор С.В. Троицкий (1878–1972)	470
5.4.1. Заключение	575
5.5. Проект резолютивных документов Комиссии при Священном Синоде Русской Православной Церкви по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора (1968 год)	590
5.5.1. Заключение	600
5.6. Схиархимандрит Софроний (Сахаров; 1896–1993)	601
5.6.1. Заключение	608
5.7. Архиепископ Василий (Кривошеин; 1900–1985)	610
5.7.1. Заключение	630
6. ОТКЛИК РУССКИХ БОГОСЛОВОВ НА КНИГУ МИТРОПОЛИТА САРДИЙСКОГО МАКСИМА «ВСЕЛЕНСКИЙ ПАТРИАРХАТ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» (1975)	633
6.1. Заключение	642
7. ПРОТЕСТЫ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ В СВЯЗИ С ДЕЙСТВИЯМИ И ПРИТЯЖАНИЯМИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА В XX ВЕКЕ И ИХ ОЦЕНКА В ТРУДАХ РУССКИХ БОГОСЛОВОВ.	643
7.1. Заключение	675
8. УЧЕНИЕ О ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ ЕПИСКОПЕ В РУССКОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ И РЕФОРМА КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭККЛЕЗИОЛОГИИ В XX ВЕКЕ	681
8.1. Заключение	707

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ709
Сокращения728
Библиография730
Примечания767
Об авторе870

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе монографии, которую читатель держит в руках, лежит текст докторской диссертации, защищенной протоиереем Вадимом Суворовым в феврале 2019 года в Общецерковном докторском диссертационном совете Русской Православной Церкви. Диссертация была подготовлена автором на кафедре внешних церковных связей и общественных наук Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Тема исследования тесно связана с целым рядом актуальных для мирового Православия вопросов, являющихся предметом полемики, таких как первенство во Вселенской Церкви, проблема диаспоры, диптихи, автокефалия и способы ее провозглашения. В наши дни в связи с недавними антиканоническими действиями Константинопольского Патриархата по созданию так называемой Православной Церкви Украины, тема представленного автором исследования приобрела особую актуальность. Выбирая в Общецерковной докторантуре эту тему, автор, вероятно, и представить себе не мог, насколько его диссертация окажется актуальной на момент ее защиты.

Именно различия в подходах к «проблеме первенства» — вопросу о функциях и полномочиях первенствующего епископа

во Вселенской Церкви — послужили одной из главных причин нового украинского церковного кризиса, приведшего в октябре 2018 года к печальному разрыву евхаристического общения между Московским и Константинопольским Патриархатами.

Прикрываясь благими целями объединения украинского Православия, Константинопольский патриарх фактически совершил легализацию раскола. Без предварительного исследования были «восстановлены в сани» и приняты в церковное общение лидеры украинских раскольников: некоторые из них были рукоположены лицами, не имевшими даже раскольнического епископского рукоположения. Были «отменены» все наложенные на них канонические прещения, был «восстановлен» в каноническом статусе отлученный от Церкви бывший митрополит Филарет Денисенко, было «отменено действие» соборной грамоты Константинопольского Патриархата 1686 года о передаче Киевской митрополии в состав Московского Патриархата, в Киеве была открыта «ставропигия» Константинопольского патриарха. Путем слияния неканонических раскольнических организаций «УПЦ КП» и «УАПЦ» при участии политических властей была искусственно создана «Православная церковь Украины», которой Константинопольский Патриархат предоставил «томос об автокефалии».

Эти незаконные решения Константинопольский патриарх принял в одностороннем порядке, проигнорировав призывы канонической Украинской Православной Церкви и всей полноты Русской Православной Церкви, а также братских Поместных Православных Церквей, их Предстоятелей и архиереев к всеправославному обсуждению вопроса. Ни одна из Поместных Православных Церквей не признала эти деяния Константинопольского патриарха.

Как в очередной раз показала жизнь, легализация раскола — это не тот путь, которым можно достичь церковного единства. Вместо декларируемых «мира и любви», действия Константинопольского патриарха еще более усилили разделение между православными Украины, обострили межконфессиональные отношения, привели к всплеску насилия по отношению к духовенству и верующим канонической Украинской Православной Церкви. Весьма показательно, что бывший лидер раскольнического «Киевского патриархата» Филарет Денисенко недавно уже заявил о непризнании им решений «объединительного собора» и учинил очередной раскол.

Последствия безответственной политики Константинопольского патриарха уже вышли далеко за пределы православной Украины. Особую опасность для всего мирового Православия представляет то, что в качестве обоснования своих действий иерархи и богословы Константинопольского Патриархата выдвигают не имеющую общеправославного признания теорию о главенстве и особых властных полномочиях, якобы принадлежащих на уровне Вселенской Церкви Константинопольскому патриарху. Ему приписывают права «первого без равных» (*primus sine paribus*) со вселенской юрисдикцией. Утверждается, что Константинопольский патриарх обладает исключительным правом определять границы Церквей, упразднять существующие автокефалии, предоставлять другим Церквам автокефальный статус, определяя в каждом отдельном случае по своему усмотрению его содержательное наполнение, рассматривать апелляции из других Поместных Церквей и отменять их судебные и иные решения, отменять действие ранее принятых собственных решений и обязательств, вторгаться в пределы других Поместных

Церквей, осуществлять юрисдикцию над всей православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями.

Еще в 2008 году Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в определении «О единстве Церкви» предупреждал: «Такое видение Константинопольским Патриархатом собственных прав и полномочий вступает в непреодолимое противоречие с многовековой канонической традицией, на которой зиждется бытие Русской Православной Церкви и других Поместных Церквей». В том же определении Собор призвал Константинопольскую Церковь «впредь до общеправославного рассмотрения перечисленных новшеств проявлять осмотрительность и воздерживаться от шагов, могущих взорвать православное единство».

Такое происходит не впервые. В 1920–30-е годы, когда Русская Церковь подвергалась жесточайшим гонениям, Константинополь делал все возможное, чтобы оторвать от ее живого тела те части, которые оказывались в пределах его досягаемости: в Эстонии, Финляндии, Польше, Латвии. Константинопольский патриарх Григорий VII пытался низложить святого исповедника — патриарха Тихона, обращаясь к нему с призывом отречься от патриаршества, — якобы для блага и мира Церкви. И уже в те годы это подкреплялось не имеющими канонических оснований теориями об особых правах и полномочиях Константинопольского патриарха. В 1923 году авторитетный русский канонист профессор С.В. Троицкий в статье «Юрисдикция Цареградского патриарха в области диаспоры» писал: «...Брань за истину продолжается, и по временам всплывают на поверхность церковного сознания ложные мнения, ложные воззрения. Высказанные сначала в неясных очертаниях, в частных беседах, в богословских трудах, эти теории, не встречая вовремя надлежащего отпора, повторяются

снова и, по мере того как приобретают отпечаток давности, приобретают и более авторитетный характер и более авторитетный тон и высказываются уже предстоятелями Церквей в официальных актах, и на них пытаются опереться в вопросах крупной практической важности. Задача богословской науки — как можно скорее разоблачать ложность этих теорий, пока они еще находятся в стадии частных богословских мнений и еще не успели превратиться в ложные доктрины, вносящие гибельные разделения в Церковь».

В силу ряда исторических причин, которые подробно анализируются автором монографии, ведущая роль в полемике с Константинополем и в новом осмыслении православного учения о первенствующем епископе в XX веке принадлежала богословам русского происхождения.

В представленной работе впервые предпринята попытка детального исследования развития учения о первенствующем епископе в трудах русских православных богословов, принадлежавших к разным юрисдикционным направлениям, и официальных документах Русской Православной Церкви XX века, проводится его комплексный, системный анализ с эkkлезиологической, канонической, исторической и церковно-практической точек зрения.

Выражаю надежду на то, что публикация данной монографии внесет положительный вклад в утверждение незыблемых принципов православной эkkлезиологии и будет способствовать прояснению спорных вопросов и преодолению возникшего кризиса в отношениях между Поместными Православными Церквями.

*Председатель Отдела внешних церковных
связей Московского Патриархата
митрополит Волоколамский Иларион*

ВВЕДЕНИЕ

По меткому замечанию В. Лосского, XX век стал веком экклезиологии в христианском богословии. Поиск богословского ответа на вопрос о том, что же есть Церковь, какова ее сущность и каким должно быть ее устройство, чтобы оно соответствовало этой сущности, продолжается и поныне.

Центральное место в православной экклезиологии занимает учение о епископате. Неразрывная связь Церкви и епископа была осознана в Церкви с древнейших времен и выражена краткой формулой свт. Киприана Карфагенского: «Церковь в епископе и епископ в Церкви».

Особую роль в канонической структуре Церкви играет фигура первенствующего епископа, значение и функции которого зафиксированы в древнейшем каноническом предании: «Епископам всякаго народа подобает знати перваго в них и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его разсуждения; творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без разсуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святый Дух» (34-е Апостольское

правило). Показательно, что концовка этого канона указывает на его связь с триадологией: структура Церкви, установленная этим правилом, призвана обеспечивать соответствие земного устройства Церкви ее вечной онтологической сущности, несущей в себе образ Троической жизни.

Фундаментальное значение первенствующего епископа в жизни и учении Церкви во всей полноте проявилось в трагической истории церковных разделений. Различие во взглядах на природу и функции универсального первенства, наряду с соперничеством Престолов Ветхого и Нового Рима, привели в XI веке к великому разделению Церкви на Западную — Римско-Католическую, и Восточную — Православную. Позднее, в XVI столетии, противодействие папскому абсолютизму на Западе привело к появлению протестантских церквей, в XIX столетии — к отделению Старокатолической Церкви.

В XX веке это побудило Римскую Церковь искать новые пути осмысления папского примата, которые могли бы стать приемлемыми для тех, кто разорвал церковное общение с Римом. На II Ватиканском соборе Римско-Католическая Церковь предприняла беспрецедентную попытку совместить традиционное католическое учение о папском примате с некоторыми принципами православной экклезиологии. Существенное влияние на эту реформу оказали идеи, высказанные в XX веке православными богословами русского происхождения.

Вопрос о полномочиях первенствующего епископа стал в XX столетии одним из важнейших и в Православной Церкви. В результате произошедших в XIX — XX веках геополитических изменений Поместные Православные Церкви оказались в совершенно новых условиях, потребовавших нового взгляда на роль первенствующего епископа.

После произошедшего в XI столетии разделения с Римом Предстоятель кафедры «Второго Рима» — Константинополя занял первенствующее положение среди Поместных Православных Церквей. Первоначально его первенство имело естественную опору в близости к византийскому императору. Постепенное ослабление Византийской империи и рост Русского государства привели к появлению на севере еще одного влиятельного церковного центра — «Третьего Рима» — Москвы.

После падения Византийской империи и захвата в 1453 году турками ее столицы — Константинополя власть и влияние Константинопольского патриарха среди Православных Церквей на Востоке только усилились. В Османской империи Константинопольский патриарх приобрел статус «миллет-баши» — административного главы и представителя всего православного населения империи. Без его посредничества патриархи прочих Православных Церквей, оказавшихся на территории Османской империи, не могли получить утверждения своего избрания и вступить в сношения с правительством султана. В результате в османский период Восточные патриархи, будучи формально равными Константинопольскому патриарху, *de facto* оказались полностью от него зависимыми. Они нередко прямо назначались на свои кафедры Константинопольским патриархом и управляли своими Церквами, проживая в Константинополе.

До распада Османской и Российской империй Православные Церкви на их территориях существовали изолированно друг от друга, находясь в орбите своих центров — Константинополя и Москвы. Однако уже события второй половины XIX века заставили отдельных православных богословов с тревогой констатировать, что отсутствие единого вселенского центра, изоляционизм национальных Поместных Церквей,

недостаток четких механизмов совместного решения спорных вопросов начинают становиться серьезной проблемой. Об этом ярко свидетельствовали события греко-болгарской схизмы 1872 года, вызвавшие горячий отклик в России¹. Греко-болгарская схизма еще более заострила до конца не решенный в Православии вопрос о значении государственно-политического и национального факторов в церковном устройстве. В 1872 году Поместный Собор в Константинополе осудил «филетизм» — племенное деление в Православии — и объявил Болгарскую Церковь схизматической.

В XX веке сложившийся за прошлые столетия status quo в православном мире окончательно изменился. В 1923 году прекращает свое существование Османская империя. На территории новых независимых государств одна за другой возникают новые национальные автокефальные Церкви, что становится небывалым явлением в жизни Православной Церкви. С распадом империи Константинопольский патриарх утрачивает прежнее влияние среди Поместных Православных Церквей, ранее находившихся под турецкой властью. Это толкает Константинопольский Патриархат на поиски новых оснований своего первенства.

В начале 20-х годов XX века Константинополь предпринимает попытку обосновать особые вселенские права и полномочия Константинопольского Первоиерарха как вытекающие из его первенства, якобы неотъемлемо ему принадлежащего, независимо от условий политики и истории. Это сближает предложенное Константинополем понимание первенства с католической трактовкой примата Вселенского Первоиерарха и дает основание богословам XX века говорить о появлении в Православной Церкви новой теории «восточного папизма».

Наиболее последовательное противодействие данная теория встретила со стороны богословов Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви. Вместе с тем богословы русской эмиграции, вошедшие вслед за митрополитом Евлогием (Георгиевским) в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, стали защищать расширенное толкование преимуществ Вселенского Престола.

Окончательный распад Османской империи и претензии Константинополя на новую роль в мировом Православии совпали с периодом ослабления Русской Церкви во время революции и гражданской войны 1917–1923 годов. Великие социальные и политические потрясения, постигшие Российскую империю в начале XX века, повлекли за собой утрату связи с Москвой ряда церковных структур, ранее находившихся в юрисдикции Русской Церкви. Некоторые из них (в Польше, Финляндии, Эстонии, Латвии, Западной Европе) для восстановления канонической связи с Вселенской Церковью обратились к Константинопольскому престолу как первенствующему среди Поместных Православных Церквей². Это послужило началом болезненных конфликтов между Московским и Константинопольским Патриархатами, которыми был ознаменован весь XX век. Первопричиной этих конфликтов стало различное понимание полномочий Вселенского Первоиерарха. Существенную роль здесь также сыграли претензии на всемирное лидерство со стороны Советского Союза после победы во Второй мировой войне и другие политические факторы.

Наряду с «парадом автокефалий» еще одним новым явлением в жизни Православной Церкви в XX столетии стало появление многочисленных православных диаспор (в том числе русской) на территории других государств — как имеющих

свою поместную Православную Церковь, так и не имеющих. В 20-е годы XX века Константинопольский Патриархат выдвинул теорию о необходимости подчинения всей православной диаспоры первенствующему Константинопольскому престолу. Применение данной теории на практике вызывало ряд конфликтов и богословскую полемику с Московским Патриархатом.

Болезненную остроту приобрел вопрос об автокефалии и условиях ее провозглашения. Иерархами и богословами Константинопольского Патриархата была выдвинута теория о том, что право предоставления автокефалии принадлежит первенствующему Константинопольскому престолу, или же на провозглашение новой автокефалии требуется, по крайней мере, его согласие. Неприятие Константинополем в 1970 году акта предоставления автокефалии Православной Церкви в Америке вызвало негативную реакцию даже в среде сторонников особых полномочий Вселенского Престола.

Вопросы о диаспоре, церковной автокефалии и способах ее провозглашения, как и вопрос о диптихе, до настоящего времени не решены Православной Полнотой и были включены в число тем готовящегося с 1920-х годов Всеправославного Собора³. Нерешенность указанных вопросов напрямую связана с неразработанностью в Православной Церкви учения о первенствующем епископе. Отсутствие единой позиции по данной проблеме не только представляет серьезную угрозу для церковного единства и продолжает приводить к конфликтным ситуациям во взаимоотношениях между Поместными Церквами, но и вредит делу православного свидетельства перед инославным миром.

Крайне негативно отсутствие единой православной позиции сказывается на диалоге с Римско-Католической Цер-

ковью. Вопрос трактовки примата первенствующего епископа был и остается главной причиной расхождения между Православной и Католической Церквами и имеет фундаментальное значение для православно-католического богословского диалога. В настоящее время отсутствие четкой единой позиции в понимании универсального первенства среди Поместных Православных Церквей является серьезным препятствием в работе Смешанной комиссии по православно-католическому богословскому диалогу.

В 2007 году Священный Синод Русской Православной Церкви поручил Синодальной Богословской комиссии изучение и выработку позиции Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви (заседание 27 марта 2007, журнал № 26). В декабре 2013 года Священный Синод (заседание 25–26 декабря 2013 года, журнал № 157) принял соответствующий документ, подготовленный Комиссией: «Позиция Московского Патриархата по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви»⁴. Необходимость подготовки данного документа объяснялась событиями, произошедшими в 2007 году на заседании Смешанной комиссии по богословскому диалогу между Православной Церковью и Римско-Католической Церковью в итальянской Равенне, когда в отсутствие делегации Русской Церкви и без учета ее мнения был принят документ на тему: «Экклесиологические и канонические последствия сакраментальной природы Церкви»⁵. Изучив Равеннский документ, Русская Православная Церковь не согласилась с ним в той части, где речь идет о соборности и примате на уровне Вселенской Церкви.

Сессия в Равенне ознаменовала собой новый виток в противостоянии между двумя Патриархатами — Константинопольским и Московским. В одностороннем порядке, без

согласования с другими Поместными Православными Церквями митрополитом Пергамским Иоанном (Зизиуласом) в состав комиссии были включены представители так называемой Эстонской Апостольской Церкви, созданной в 1996 году Константинопольским Патриархатом на канонической территории Московского Патриархата. Поскольку совместное участие делегатов Московского Патриархата и представителей «Эстонской Апостольской Церкви» в официальном заседании означало бы имплицитное признание Московским Патриархатом каноничности этой церковной структуры, данное решение Константинопольского Патриархата было опротестовано епископом Венским и Австрийским Иларионом (ныне — митрополит Волоколамский), возглавлявшим делегацию Русской Православной Церкви. Между епископом Иларионом и митрополитом Иоанном (Зизиуласом) состоялись переговоры, однако понимания достигнуто не было. В результате делегация Московского Патриархата была вынуждена покинуть зал заседаний⁶.

В отсутствие представителей Московского Патриархата в итоговый документ Комиссии была включена формулировка о роли Константинопольского Патриархата, которая уже опротестовывалась делегацией от Русской Православной Церкви на встрече в Белграде в 2006 году. Согласно данной формулировке, критерием единства со Вселенской Церковью на Востоке после разделения с Западом считалось общение с Константинопольским престолом, в то время как на Западе — общение с Римом. В пункт 39 документа, посвященный авторитету Вселенских Соборов, было включено утверждение следующего содержания: «После разрыва между Востоком и Западом, сделавшего невозможным созыв Вселенских Соборов в строгом смысле слова, обе Церкви продолжали со-

зывать соборы, когда возникали серьезные кризисы. На этих соборах сходились вместе епископы местных Церквей, находящихся в общении с Римским престолом, и соответственно, хотя это и понималось по-другому, с Константинопольским престолом»⁷.

По оценке, данной епископом Иларионом, указанная формулировка отвечала как интересам представителей Константинопольского Патриархата, так и Римско-Католической Церкви. Константинополь таким способом подчеркнул свой особый статус среди прочих Поместных Православных Церквей, а Рим попытался показать, что католическое учение о первенстве во многом схоже с православным.

Владыка Иларион также заявил, что, по его впечатлению, Константинопольский Патриархат сознательно подтолкнул московскую делегацию к выходу из диалога, дабы принять те решения, которые при участии Московского Патриархата были бы невозможны⁸. Будучи заинтересован в расширении православного понимания первенства во Вселенской Церкви, Константинопольский Патриархат стремится через посредство православно-католического диалога подчеркнуть роль Вселенского Патриарха как своего рода «восточного папы».

Русская Православная Церковь продолжила участие в работе Смешанной комиссии в 2009 году (Пафос, Кипр) и 2010 году (Вена, Австрия) на заседаниях, посвященных обсуждению очередного документа «Роль Римского епископа в церковном общении первого тысячелетия». В результате возникших разногласий Смешанная комиссия так и не смогла принять итогового документа на этих встречах.

В сентябре 2016 года в г. Кьети (Италия) XIV пленарная сессия Смешанной комиссии рассмотрела совместный документ «Соборность и первенство в первом тысячелетии: на